

ПРИНЦЕВОСКИИ

КРАЙ

Военно-освѣдомительная, литературная и политическая газета.

Цѣна отдѣльнаго номера въ уличной продажѣ 1 марка. Покупаящимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

№ 30.

Нарва, Понедѣльникъ 15 Декабря 1919 г.

№ 30.

Желаю кушить барскую мебель, персидскіе, кавказскіе ковры, античныя вещи, хрусталь, фарфоръ, гравюры. Предложенія съ подробнымъ описаніемъ цѣны, до 18 декабря: Ревель, почтовый ящикъ 82.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На Нарвскомъ фронтѣ. 6-й день боя. Въ этотъ день красные производили только незначительныя атаки на д.д. Дубровка и Сала, которыя эстами легко отражались.

На фронтѣ генерала Деникина упорные бои продолжаются у Кіева, южнѣ Харьковѣ и сѣвернѣ Царицынѣ. Бѣлая конница производитъ въ высшей степени удачныя налеты на тылы красныхъ армій. Много красныхъ уничтожаются, много берется въ плѣнъ (радіо).

Союзники рѣшительно отказались вступить въ мирныя переговоры съ Совѣтскимъ правительствомъ.

Штаба Сѣверо - Западной Арміи

къ 10 час. утра 14 декабря.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Артиллерійская перестрѣлка.

На Гдовскомъ направленіи.

Безъ перемѣнъ.

Штаба Эстонской Арміи

къ 11 час. 50 мин. вечера 13 декабря.

На побережьи Финскаго залива.

Въ теченіе ночи артиллерійская перестрѣлка и дѣятельность развѣдчиковъ.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Непріятель бомбардировалъ до 4 час. д.д. Дубровка и Сала и наступалъ два раза цѣпями. Цѣпи противника разсѣяны нашимъ огнемъ у нашихъ проволочныхъ загражденій.

Въ Псковскомъ направленіи.

У д. Юшковъ перестрѣлка.

Штаба арміи генерала Деникина.

Таганрогъ.

Въ Астраханскомъ направленіи.

Безъ перемѣнъ.

На Камышинскомъ направленіи.

На фронтѣ укрѣпленной позиціи спокойно. Конная группа генерала Топоркова въ ночь на 25 ноября атаковала красныхъ въ Прямая Балка, послѣ упорнаго боя противникъ обратился въ бѣгство, въ нашихъ рукахъ остался штабъ совѣтской бригады, орудія и пулеметы. Продолжая движеніе на сѣверо-западъ, генераль Топорковъ узналъ, что крупныя силы противника сосредоточены въ с. Садки, немедленно конная группа была двинута туда и на разсвѣтъ 25 ноября атаковала красныхъ, смяла ихъ и обратила въ бѣгство, захвачены плѣнные, знамя коммунистическаго полка и обозы. Противникъ, желая отрѣзать нашей конницѣ путь отхода, занялъ Прудки. Генераль Топорковъ атаковалъ противника и опрокинулъ его. 26-го ноября Топорковъ присоединился къ арміи. За время съ 17 по 26 ноября доблестная конница Топоркова захватила свыше 2.500 плѣнныхъ, 9 орудій, 50 пулеметовъ. Въ этихъ бояхъ нѣсколько разъ раненъ генераль

Павличенко. Противникъ понесъ громадныя потери.

На Балашовскомъ направленіи.

Въ ночь на 26 ноября Донцы переправились въ районъ Старо-Григорьевской черезъ Донъ, выбивъ красныхъ изъ Стародонскаго и произвели налетъ на ст. Логъ, совѣтскій жетѣзнодорожный батальонъ, охранявшій станцію, захвачены полнотью въ плѣнъ. Захвачено 350 плѣнныхъ, много красныхъ перебито. Наши потери — 2 раненыхъ казака.

Таловское направленіе.

На Дону перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

Въ Коротоякскомъ направленіи.

Наступленіе красныхъ западнѣ Ольховестка на Шемякино отбито. Нами захвачено 50 плѣнныхъ и два пулемета.

Черниговское направленіе.

Новыхъ свѣдѣній не поступало.

Каменецъ-Подольскій и Одесскій районы Спокойно.

Нарва, 15 декабря.

Куда бы вы ни заглянули теперь въ Россіи, вы вездѣ найдете грязь, запустѣніе и беспорядокъ. Дома стоятъ унылыя, съ разбитыми стеклами, заткнутыми какимъ-то тряпьемъ, или забитыми досками окнами, люди живутъ въ нихъ косякомъ, кто спитъ на полу, на казачьихъ то тряпьяхъ, кто, если спитъ

на кровати, то эта кровать по недѣлямъ не прибирается и на ней лежитъ грязное рваное тряпье. Въ лазаретахъ и больницахъ, гдѣ, казалось бы, долженъ былъ быть образцовый порядокъ и чистота, больные лежатъ въ грязномъ бѣльѣ — не смѣняемомъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ, пропитанномъ потомъ и кишасшемъ насѣкомыми. Въ казармахъ, блестящихъ нѣкогда при-

вѣтливою чистотою, гдѣ все отъ безкозырки, повѣшенной надъ чистымъ полотенцемъ, до ярко блестящаго пола, чисто вымытыхъ половъ и ряда винтовокъ съ открытыми блестящими затворами, стоящихъ въ пирамидахъ говорило вамъ о какомъ то особенномъ, повышенномъ порядкѣ и чистотѣ, теперь грязь и мерзость. Винтовки разбросаны въ углу, валяются по стѣнамъ и койкамъ. Койки, если онѣ и есть, не стоятъ въ стройномъ порядкѣ, но сдвинуты кое-какъ вперемежку съ нарами и еще какими то приспособленіями для сна, часть людей спитъ на полу и люди, грязные, косматые, съ заспанными, голодными недовольными лицами не похожи совсѣмъ на солдатъ.

И такъ не только въ Совѣтской республикѣ, гдѣ грязь, разгромъ и нищета дошли до крайнихъ предѣловъ, но такъ и по всей Россіи. Какой то демонъ опустошенія сопутствуетъ Русскимъ людямъ и идетъ съ ними, неся безпорядокъ, грязь и болѣзни.

Отъ ужасовъ Совѣтской республики уходятъ тысячи бѣженцевъ, еще раньше тысячи такихъ же бѣженцевъ скопились, уходя отъ нашествія германскихъ войскъ. Дома и квартиры переполнены до крайности, печѣмъ дышать, а рядомъ стоятъ совершенно пустые громадные дома, но въ нихъ нельзя жить потому, что кто то разорвалъ печи и разбилъ окна. И никому не при-

детъ въ голову вставить окна, починить печи, устроить жилье, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ стеколъ. Негдѣ достать кирпичей... Некому распорядиться. Толпы бѣженцевъ, многіе тысячи солдатъ цѣлыми мѣсяцами сидятъ, ничего не дѣлая, загаживая помещенія, нанося массу мусора, разводя болѣзни и никто не подумаетъ о томъ, что можно устроиться иначе, можно жить по-человѣчески. Всѣ ждутъ, что вотъ-вотъ настанетъ какой-то день и кто-то придетъ и освободитъ ихъ и пуститъ обратно на насиженные мѣста. А если на родныхъ мѣстахъ, ничего уже нѣтъ и тамъ ждетъ горькое разочарованіе. Среди бѣженцевъ, среди офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ есть техники, архитекторы, химики, художники, есть мастеровые, но никто не подумаетъ устроить тамъ, куда занесла ихъ судьба заводъ стекла, хоть примитивный, гдѣ выходило бы стекло грубое, полупрозрачное, остеклить пустые дома, надѣлать мебели, поправить печи, устроить себѣ сносное жилье, размѣститься шире. Тысячи женщинъ съ потухшими глазами сидятъ недѣлями на сложенныхъ увязкахъ съ кое-какою поклажею, кругомъ можно достать дѣнь, но никто не подумаетъ возстановить классическое веретено и организовать производство нитокъ и пряжи... Все сиднемъ сидитъ на увязкахъ и все ждетъ, когда же тронется въ обратный путь.

Мы часто слышимъ въ отвѣтъ на упреки за грязь и безпорядокъ такое возраженіе: „мы халифы на часъ. Стоитъ ли работать при этихъ условіяхъ“. И хочется отвѣтить на это—а въ жизни то равнѣ мы халифы на часъ? Развѣ знаемъ мы, когда наступитъ насъ суровый рокъ, когда придется бросить все надъ чѣмъ работали и трудились.

Нѣтъ. Просто свобода еще не привилась къ намъ. Безъ начальственного окрика и указки мы не желаемъ ничего дѣлать, не желаемъ даже прибрать возлѣ себя. Бѣженцы толпами ходятъ по разнымъ учрежденіямъ и просятъ „мѣста“, отлично понимая, что теперь имъ нѣтъ никакого мѣста, но сьорганизоваться, устроить какую либо артель для изготовленія стекла, мыла, нитокъ, мебели, что либо „творить“ они не могутъ. Устроить свою жизнь такъ, чтобы она походила на жизнь людей, не хотятъ. Подмести и почистить дворы, прибрать комнаты и изъ разгрома и скученности сдѣлать порядокъ не хотятъ. И это не только интеллигенція—это всѣ, вся теперешняя Россія и совѣтская и не-совѣтская, она вся ждетъ указки и приказа, вся питается Христовымъ именемъ, или покорно умираетъ...

Впрочемъ вѣтъ. Не вся. На югѣ есть уголокъ земли, гдѣ уже кустарнымъ способомъ валяютъ сукно, гдѣ дѣлаютъ кожу, гдѣ при-

готовляютъ мыло, гдѣ трупы павшихъ лошадей не валяются, но утилизируются отъ кожи до копытъ.

Откуда эта усталость и безразличіе ко всему? Отъ голода? Отъ страшныхъ нравственныхъ потрясеній во время жизни въ Совѣтскомъ аду, отъ потери близкихъ? Да, конечно... Но среди этихъ людей есть очень много и такихъ, которые не голодали, которые не испытывали всѣхъ прелестей совѣтской свободы, но и они поддались этому маразму и считаютъ, что ихъ назначеніе только ѣсть и спать. Гадко неопратно ѣсть и грязно, на жесткомъ спать. Они жертвы.

Не распущенность ли это? Простая Русская распущенность. Не лѣнь ли это и непробудная спячка, отъ которой давно пора пробудиться.

„Товарищи“ со своимъ грознымъ окрикомъ „къ стѣнкѣ“, со своими пинками и руганью не могли заставить людей жить по-человѣчески и работать, и Совѣтская республика разваливается...

Но намъ, свободнымъ отъ насилія пора подумать и считать тотъ день потеряннымъ, когда мы ничего не сдѣлаемъ для того, чтобы выйти изъ положенія покоя, когда мы ничего не сработаемъ для улучшенія своего быта и быта близкихъ намъ людей.

Каждый долженъ дѣлать дѣло на общую пользу и тогда и личное благосостояніе его улучшится.

Хиромантія.

Трудно представить себѣ жизнь болѣе ровненькую, сѣренькую, чѣмъ выпала на долю Ефрема Карповича Ильенко.

Съ десяти час. служба въ канцеляріи N-скаго уѣзднаго акцизнаго надзирателя, въ четыре возвращеніе домой на глухую улочку грязнаго города, и скучный изо дня въ день одинаковый обѣдъ. Часовъ въ семь отъ нечего дѣлать шатанье вдоль главной улицы при тускломъ свѣтѣ керосиновыхъ фонарей по прыгающимъ доскамъ деревянной панели или по снѣжнымъ сугробамъ.

Въ девять часовъ на улицѣ уже ни одной живой души,—поневоля возвращайся домой и заваливайся на кровать со старымъ номеромъ Нивы въ рукахъ.

Въ слякотную осень 1908-го года дни стояли особенно скучные, безпросвѣтные, и Ильенко невольно мечталъ о какой-нибудь счастливой переменѣ.

Хоть бы поманила судьба чѣмъ-нибудь новымъ, интереснымъ, чего не ждешь отъ прямой единообразной жизни, лежащей впереди.

Такъ разсуждалъ Ильенко, спотыкаясь по темной, промозглой улицѣ.

Какъ вдругъ взглядъ его упалъ на лиловое пятно афиши подъ тусклымъ фонаремъ.

Чего только не было въ этой афишѣ.

Заѣзжій хиромантъ обѣщаль выложить все прошлое, и точка въ точку описать характеръ, а главное безошибочно предсказать будущее. Занятно. А пѣна всего лишь полтинникъ.

Черезъ четверть часа акцизный уже стучалъ въ номеръ гостиницы занятой хиромантомъ.

Небрятый человекъ съ заспаннымъ лицомъ долго держалъ его руку въ своей теплой и мокроватой рукѣ, вяло говорилъ о дѣтскихъ годахъ акцизнаго, о его плохомъ движеніи по службѣ, о давно умершей бабушкѣ, и невольно наводилъ мысль Ильенко на напрасно истраченный полтинникъ.

— „Ну, а будущее?“

— „Будущее“.

На лбу у хироманта образовалась „загадочная“ складка и онъ пошелъ, пошелъ...

— „Лѣтъ черезъ десять вы будете зарабатывать сорокъ восемь тысячъ въ годъ“.

— „Сорокъ восемь“, изумился Ильенко. „Что жъ я директоромъ банна, что ли буду, или посломъ въ Парижъ“.

— „А кромѣ того будете сидѣть въ тюрьмѣ“.

— „Часъ отъ часу не легче. Въ тюрьмѣ то за что?“

— „Какъ политическій преступникъ“ Ильенко даже испугался.

— „Это я то политическій преступникъ. Да я кажется воды не замучу“.

На лбу у него выступилъ холодный потъ,—подумать только: политическій

— „Будете голодать“.

— „Это послѣ сорока-то восьми тысячъ рублей въ годъ жалованья“.

— „Перестанете быть русскимъ, а дѣлаетесь иностранцемъ“.

Ильенко возмутился:

— „Папуасомъ мнѣ что-ли прикажете сдѣлаться? Ильенко я, Ефремъ Карповичъ, понимаете, Карповичъ. А вы говорите иностранцемъ“.

Акцизный плюнулъ и, вырвавъ руку изъ пальцевъ хироманта, вышелъ изъ номера, на слѣдующій день только и было разговору у Акцизнаго.

— „Хиромантъ-то? Слышали? Вотъ жуликъ нашелся. Въ тюрьмѣ, говоритъ, будете сидѣть, а жалованья: въ годъ сорокъ восемь тысячъ. Воображаете? Еще, говоритъ, отъ голода пухнуть станете, а ужъ какъ сказалъ, что стану не

китайцемъ, не то папуасомъ, такъ я ему“...

Встрѣчался слѣдующій знакомый, и Ильенко разсыпался снова: „Иностранецъ, воображаете, и сорокъ восемь тысячъ жалованья“...

Скоро весь городъ зналъ, что Ильенко побывалъ у хироманта, и что тотъ ему рядъ самыхъ невѣроятныхъ небылицъ напроорочилъ. Предсказанная приставу губернаторская нахлобучка и кутежъ у купца Халушина забылись, и хиромантъ сидѣлъ голодомъ въ неоплаченномъ номерѣ гостиницы. Черезъ недѣлю ему пришлось уѣхать, потому что никто въ городѣ не рисковалъ идти выслушать предсказаніе такое же невѣроятное, какъ поѣздка благочиннаго на луну, или свадьба водовоза Гараськи съ дочкой уѣзнаго предводителя.

Но городъ долго не забывалъ о курьезномъ предсказаніи акцизному, котораго нѣкоторое время такъ и звали „иностранецъ“.

Прошло десять лѣтъ. Прошла война, мало отразившаяся на городишкѣ и на судьбѣ акцизнаго. Пришла революція. Нѣсколько дней походили съ красными флагами, потомъ выбрали Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, писали

Кокаинъ.

Въ сводкахъ то и дѣло попадаются свѣдѣнія о томъ, что цѣпи красноармейцевъ ведутъ свои безумныя атаки, одурманившись предварительно кокаиномъ.

Это не слухи, не проблематичное объясненіе для непонятнаго геройства людей, озлобленныхъ противъ тѣхъ, кто ихъ же посылаетъ на вѣрную гибель. Это не выдумки, а жестокий, угрожающій для Россіи фактъ.

Поробителемъ нужна побѣда во что бы то ни стало. Они готовы купить ее какою угодно цѣной. Такъ, не стѣсняясь, заявляютъ вожди Интернаціонала.

И цѣна такая найдена.

Кокаинъ, отравленіе нации черезъ лучший, молодой ея элементъ.

Давно ли для простого русскаго чело-вѣка самое слово „кокаинъ“ было незна-комой, чужеземной тарабарщиной, и пред-ложеніе нюхнуть кокаину показалось бы издѣвательствомъ, такимъ же, какъ, напри-мѣръ выпить скинцдару, или отвѣдать сѣр-ной кислоты.

Здоровый организмъ говорилъ въ здо-ровой націи.

Но, годами убивая все здоровое, все обѣщающее въ народѣ ростъ и расцвѣтъ, коммунисты сознательно допустили проник-новеніе въ народную толщу самаго изощрен-наго, самаго губительнаго изъ наркотиковъ.

Началось съ матросовъ. Сытые, обва-глевшіе отъ бездѣля по праву „красы и гордости русской революціи“, разодѣтые въ платье вычурно новенькое, слабо напо-минающее красивый нарядъ прежняго рус-скаго моряка, матросы первые дали толчекъ къ отвратительному самоотравленію.

Никто изъ „начальства“ не ставилъ имъ препятствій въ этомъ отношеніи. Кокаинъ сталъ ихъ новой платформой, сталъ цѣлью, ради которой производились наглые реквизиціи, переводившія деньги изъ кармана

обывателя въ карманъ матросовъ. А, есть деньги, есть и кокаинъ,—пустая, безцѣльная жизнь наполняется его дурманящимъ ядомъ.

Отъ матросовъ пошло дальше, проникло въ среду красноармейскихъ коллективовъ, въ толщу сѣрыхъ красноармейскихъ массъ.

Наконецъ, кокаинъ, сталъ чуть ли не официальнымъ средствомъ для веденія братоубійственной войны, однимъ изъ прие-мовъ красноармейской тактики. Съ помощью его такъ удачно посылаются подъ пулеметы сомкнутой красной цѣпи, потерявшія раз-умъ, соображеніе, элементарное предста-вленіе о правилахъ веденія боя.

Большевистское командованіе не счи-тается ни съ какими потерями, а съ такимъ пустяками, какъ вѣрное отравленіе народа стоять ли ему считается.

Отравляя народное сознаніе ядомъ своей пропаганды, коммунисты отравляютъ націю и физически все съ одной и той же цѣлью: ослабить русскій народъ духовно, привести его въ рабское, скотское состояніе, и тѣмъ вѣрнѣе надѣть на него свои цѣпи.

Кто вкусилъ отъ плода этой коммуни-стической культуры, приучился къ само-отравленію, отъ того уже имъ не бояться ни протестовъ, ни здороваго сопротивленія независимой власти.

Обезличенное дурманящимъ ядомъ стадо потерявшихъ человѣческое достоинство лю-дей, по ихъ расчету, навсегда останется такимъ же покорнымъ, какъ покорны гу-стыя цѣпи, что несудъ подъ яростный ору-дійный и пулемѣтный огонь свою полураз-рушенную кокаиномъ жизнь во славу ком-мунистовъ-самодержцевъ.

Спасти русскій народъ отъ системати-ческаго отравленія кокаиномъ, дурманомъ, гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ прежній бичъ—алкоголь, одна изъ первыхъ задачъ тѣхъ, кто рѣшился спасти Родину.

Яр. Оредовскій.

ГАСТРОЛЕРЫ.

На конгрессахъ коммунистовъ, что время отъ времени собираются въ Москвѣ подъ флагомъ Третьяго Интернаціонала неизмѣ-ными гостями являются представители такъ называемыхъ заграничныхъ коммунистиче-скихъ партій.

Не будемъ говорить объ итальянкѣ Ба-лабановой, объ американкѣ Рабиновичѣ, ихъ чисто итальянскія и „американскія“ фамилии говорятъ сами за себя. Это премьеры коммунистической инсценировки всемірнаго распространенія ихъ идей.

Примадонны и заслуженные артисты по-стояннаго состава коммунистической труппы. Режиссерамъ коммунизма этого мало.

Публика любитъ что-нибудь новенькое, экзотическое.

Присутствіе въ Совдеціи американца, или итальянки всегда легко объяснить. За-стриали, очевидно, съ того самаго времени, когда иностранцы не смѣли еще бѣжать изъ счастливой Совдеціи, какъ отъ чумы. Правда, за каждымъ такимъ представите-лемъ стоятъ десятки миллионовъ итальян-скаго и американскаго пролетаріата, но кого же въ Совдеціи удивишь цифрами.

И вотъ, въ качествѣ особо остраго блюда подаются делегации отъ индусовъ, отъ афган-цевъ, корейцевъ.

Самыя подлинныя делегации съ трехъ-этажными, неудобнопрозносимыми именовані-емъ чалмами на головахъ, въ шелковыхъ кафтанахъ и съ раскосыми глазами. Какимъ чудомъ этимъ делегациямъ удается про-браться въ Москву сквозь штыки окружив-шихъ Совдецію армій, объ этомъ никто не задумывается.

Прибыли, да и только.

За то какимъ коммунистическимъ язы-комъ говорятъ эти афганцы и корейцы, какъ быстро успѣли они усвоить всю термино-логию большевиковъ. Съ какимъ глубокимъ знаніемъ хозяйственнаго быта своихъ род-

ныхъ странъ афганцы требуютъ социали-зации крупныхъ мануфактуръ Афганистана въ пользу трудящихся, какъ клеймятъ ко-рейцы корейскій империализмъ.

Никому и въ голову не придетъ подум-ать, что въ Афганистанѣ слыхомъ не слы-хали не то что о крупныхъ заводахъ, а даже о самой захудалой мастерской, что страна ушла недалеко отъ пастушескаго и охотничьяго быта. Никому въ голову не придетъ вспомнить, что маленькая, подвла-стная Японіи Корея такъ же далека отъ какого-нибудь империализма, какъ Монак-ское княжество.

Делегации чернороборыхъ и желтолицыхъ коммунистовъ далекой Азіи такъ эффектно импонируютъ „пролетаріату“, что мѣста для сомнѣній не остается. Вся Азія идетъ за Троцкимъ и Ленинымъ по пути право-вѣрнѣйшаго коммунизма.

Азія за нами, намъ не страшны прок-лятія буржуазной Европы!

Разгадку оценоческаго эффекта можно найти лишь въ тиши уютныхъ кабинетовъ Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ, въ тѣ дни, когда производится уплата эк-стренныхъ, сверхсмытныхъ расходовъ.

— „Товарищъ Лейбензонъ. Вамъ при-читается къ полученію за удачное прове-деніе роли афганца Исрапиль-Ханъ-Маго-метъ-оглы сорокъ двѣ тысячи. Получите“.

— „А мнѣ“.

— „Тебѣ то за что“.

— „А корей кто ломала. Твоя сказала денъга платить будешь“.

— „Проходи, ходи; будетъ, что по шеѣ не получил“.

Клятвамъ почесывается и уходитъ. Ихъ такъ много расплодилось въ Совдеціи, что для слѣдующей делегации можно подобрать новенькаго.

Это статистъ среди экзотическихъ га-стролеровъ.

И. Морозовъ.

и посылали въ Петроградъ резолюции о томъ, что граждане городка къ чему-то присоединяются, что-то привѣтствуютъ, противъ чего-то протестуютъ. Писали и посылали до тѣхъ поръ пока изъ то-го же Петрограда не приѣхало три красногвардейца и не объявили горо-докъ присоединившимся къ Федератив-ной Совѣтской Республикѣ.

Однимъ изъ первыхъ, какъ видный правительственный чиновникъ, былъ арестованъ Ильенко, тогда уже самъ акцизный надзиратель. Преступленіе его было самое политическое. Онъ не сразу выдалъ властямъ ключъ отъ подвала съ денатуратомъ и пытался спорить:

— „Товарищи, да вѣдь это для тех-ническихъ надобностей“.

— „Тащи, его, буржуя. Попили на-шей кровушки“.

Подталкивая штыками и прикладами, акцизнаго увели въ тюрьму, и онъ си-дѣлъ тамъ до той самой поры, по слу-чаю установленія Совѣтской Республики когда въ Аргентинѣ—потомъ оказалось очередной „ошибкой“ радіо—исскимъ исполкомомъ не была объявлена амни-стія.

Ильенко оказался на свободѣ.

Что дѣлать? Домишко на Овражной улицѣ оказался национализированнымъ,

и ему отвели по ордеру квартирнаго отдѣла уголь въ его же собственной спальнѣ; занятой тремя буржуазными семьями.

Приходилось туго. Не бѣжать ли куда-нибудь, но куда побѣжишь, если и би-лета на станцію не продадутъ безъ партійной рекомендаціи.

Бродя съ такими мрачными мыслями по улицѣ, бывший Акцизный столкнулся на углу возлѣ аптеки съ знакомымъ, который вмѣсто привѣтствія только шепталъ, опасно озираясь по сторо-намъ:

— „Батюшка, ну и счастливцевъ же вы. Вотъ посылаетъ Богъ челоуѣку. Кабы мнѣ то на ваше мѣсто, а то, по-думайте, Пѣтуховъ. Куда тутъ при-кнѣшься?“

— „Да въ чемъ дѣло? Пѣтуховъ. Знаю, что Пѣтуховъ, а я Ильенко. Си-дѣли, кажется, вмѣстѣ. Какая же раз-ница?“

Пѣтуховъ пригнулся къ нему совсѣмъ близко. Голосъ его сталъ таинственнымъ.

— „Въ томъ то и дѣло, что вы Иль-енко. Васъ гольми руками не возьмешь. Недостигаемый. Да неужели и сейчасъ не понимаете? Украинцевъ вы. Тутъ за угломъ и консулъ валъ,—Рубинштейнъ, портной изъ Гомеля.“

Ильенко не дослушалъ. Черезъ часъ онъ гордо шелъ по улицѣ, ощупывая въ карманѣ пальто „посвяченое“ на ко-торомъ четко было выведено:

„Ильенко Охримъ Карпычъ, грома-дянинъ Украинской громады“.

Онъ рискнулъ даже подойти къ ми-лиционеру и обратившись къ нему не „на товарищъ“ а „на гражданинъ“ по-просить прикурить.

Иностранецъ.

Что-то знакомое шевельнулось въ его памяти, но видно ослабла она, не вспомнилъ, что именно.

Напрасно Ильенко старался выгова-ривать „г“ какъ „х“, рассказывать въ комиссаріатахъ, что стремится выѣхать на родину, въ Подтавщину, гдѣ онъ никогда въ жизни не бывалъ,—возмо-жности выѣхать не было, оставалось по-надежнѣе спрятать документъ и посту-пить на службу въ уѣздный губпрод-комъ.

Время шло, Ильенко сначала худѣлъ и поблескивалъ голодными глазами, по-томъ сталъ распухать отъ вѣчнаго не-насытнаго голода. Повышались ставки, но легче не становилось. Пришла въ упадокъ одежда, а о починкѣ сапогъ приходилось мечтать такъ же безна-

дежно, какъ раньше о четырехъ-этаж-номъ каменномъ домѣ. И пироги сни-лись уже въ самыхъ рѣдкихъ снахъ.

Какъ то, выходя изъ канцеляріи, что помѣщается въ прежней гостинницѣ, Ильенко купилъ свѣжій номеръ Н-кой Правды. Въ немъ долгожданная повы-шенная ставка.

... гдѣ жѣ моя? Ахъ вотъ, разрядъ седьмой: четыре тысячи. А раньше бы. Подумать только, сорокъ восемь тысячъ въ годъ... Сорокъ восемь тысячъ.

И вдругъ вспомнилось. И „иностран-ецъ“ и окладъ директора банка и тюрьма за политическое преступленіе. Все вспомнилось, что казалось наглымъ издѣвательствомъ надъ здравымъ смыс-ломъ. Больше же всего вспомнился го-лодь, корчившійся отъ смѣха во всемъ его организмѣ. „Сорокъ восемь тысячъ“.

Сжавъ слабый кулакъ, несчастный погрозилъ гостинницѣ, тому номеру, гдѣ теперь были навалены запасы про-довольственныхъ карточекъ, издѣва-тельствомъ своимъ перещеголявшихъ хироманта.

В—новъ.

Судь потомства.

„Папа, где был ты во время
Великой Войны“.

(Из английских военных плакатов).

Спросить дѣда маленькіе внуки,
Прочитавши повѣсть страшныхъ дней,
Дней, когда, въ крови купая руки,
Обрекала Родину на муки
Свора алчныхъ низкихъ палачей.

— „Гдѣ ты былъ тогда, какое бремя
Ты, страдая за Россію неся,
Что ты дѣлалъ честно въ это время?“
— „Я ходилъ на службу въ Совнархозъ.“

Какъ намъ было трудно. Голодали.
Миръ не зналъ ужаснѣе оковы...
Потихоньку мебель продавали,
Среди насъ напши бы вы едва ли
Тѣхъ, кто честь продать былъ не готовъ.

А какъ ждали бѣлыхъ,—въ тихомолку
Все шептали: отступили вновь.
И опять, забывшись словно въ щелку,
Наблюдали, какъ лили безъ толку
Комиссары братьевъ нашихъ кровь.

И тогда отвѣтить внуки дѣду:
— Значитъ ты лишь молча голодалъ,
Ты не съ тѣмъ былъ, кто неся побѣду,
Мы напрасно начали бесѣду,
Ты напрасно, дѣдъ, намъ отвѣчалъ.

Яр. Орадовскій.

Русскимъ женщинамъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ при-
шло странное сонъ:

Сяду я грустно одинъ за столомъ.
Вдругъ тихо открывается дверь и въ ком-
нату явилась удивительная женщина.

Величественное спокойствіе и красота
ее поразила меня, но всмотрѣвшись при-
стальнѣе, меня удивилъ ея нарядъ: роскош-
ная, золотомъ и самоцвѣтными камнями
нитая тллогрѣя, опушенная соболемъ, была
подпоясана простымъ ремешкомъ, дивной
красоты шаль застегнута простой мѣдной
застежкой; великолѣпный рядъ жемчужовъ,
охватывавшій нѣсколько разъ чудную шею
красавицы былъ навязанъ на простую те-
семуку.

Лицо, ее поражало своею безукоризнен-
ной красотой, но выраженіе являло смѣсь
какъ будто-бы несовмѣстныхъ свойствъ
характера: при безусловно мягкомъ, ласко-
вомъ, подкупающимъ добротой взоръ чу-
дныхъ глазъ, проглядывала властность и
суровость; при открытой все озаряющей
кругомъ свѣтомъ веселой, улыбки, можно
было замѣтить на лицѣ ея отпечатокъ гру-
сти и сосредоточенности.

Она подошла ко мнѣ, опустилась на
скамью, оперлась локтемъ на столъ и скла-
нила голову свою на руку.

Какія спокойныя, гармоничныя и краси-
выя движенія, не смотря на ихъ вялость
и какъ будто лѣнь.

„Кто ты, странная красавица“, спро-
силъ я.

„Я—Россія“, при этомъ она поставила

передо мною простую дубовую шкатулку,
„а это—мой богатства“.

Она подняла крышку и высунула на
столъ содержимое.

Я вскрикнулъ отъ изумленія: чего тутъ
только не было, и куски золота, серебра и
платины, груды драгоцѣнныхъ камней са-
мыхъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ
и сортовъ, начиная съ рѣдчайшаго жем-
чуга и брильянта и кончая скромнымъ ко-
раломъ и гранатомъ.

Моя чудесная посѣтельница объяснила
мнѣ значеніе каждаго камня, здѣсь было
все: и Русская Вѣра, духъ народа и долго-
терпѣніе, тяжелый трудъ и скромность,
Любовь къ Родинѣ и отвага, чувство долга
и талантъ.

Какъ дивно хороши были всѣ эти сокро-
вища, но Боже въ какомъ это было все
видѣ, какой беспорядокъ; межъ этими дра-
гоцѣностями попадались обломки щепокъ,
опилки, угли, все покрыто было пылью;
камни не додѣланы, не отшлифованы и
что-бы оцѣнить ихъ по достоинству необ-
ходимо было сперва ихъ тщательно очи-
щать.

„Вѣдъ ты владѣешь, какъ никто, не-
смѣтными богатствами, отчего же ты не
приведешь ихъ въ должный видъ и по-
рядокъ.“

Отчего не справишь ихъ въ діадему,
которая достойно украсила-бы твое чистое
лицо?“

„Мнѣ лѣнь“ отвѣтила красавица и лѣ-
ниво стала собирать свои сокровища въ
шкатулку.

Но здѣсь мнѣ бросился въ глаза одинъ
небольшой брильянтъ, я взялъ его въ руки
и былъ изумленъ: и никогда еще не видалъ
такой чистѣйшей воды, такой безупречной
граны, такого дивнаго блеска. Я громко
восхищался имъ и долженъ сознаться ка-
кая-ошибка не могла-бы заставить его
выиграть.

„Что онъ означаетъ?“ спросилъ я.

„Это источникъ любви, счастья, покоя,
источникъ силъ и наслажденія. Это—Рус-
ская женщина“. Отвѣтила она и такъ-же
цѣлко и величественно скрылась изъ ком-
наты. Я долго не могъ придти въ себя отъ
того, что произошло передо мною и былъ
выведенъ изъ этого состоянія какимъ-то
страшнымъ шумомъ: послышались громкіе
голоса, грубые крики, возгласы и душу
раздирающіе стоны огласили окрестности.

Я бросился стремглавъ изъ дома и гла-
замъ моимъ представилось ужасное зрѣлище:
моя дивная посѣтельница, смертельно
раненая какими-то злоумышленниками,
лежала на землѣ и тихо стонала, истекая
кровью, не смотря на страшныя мученія
лицо ее оставалось такъ-же спокойно и
прекрасно. Около нее лежала разбитая
шкатулка и ея сокровища были разсыпаны
въ грязь и кровь, частью затоптаны уже,
частью исчезнувшія и расхищенныя.

Но здѣсь опять мнѣ бросилась въ глаза
не смотря на ужасъ и грязь тотъ-же не-
большой брильянтъ, который горѣлъ такъ
ярко, что блескомъ своимъ казалось освѣ-
щала все окружающее.

Славные Герои, Борцы за Освобожденіе
Родины, Бѣлые Воины, Вы помните ужасъ,
черезъ которые Вамъ пришлось пройти,
передъ тѣмъ какъ очутиться въ безопас-

ныхъ мѣстахъ для организаціи Бѣлой
Арміи. Помните, какъ приходилось Вамъ
спасаться отъ безмысленныхъ ужасныхъ
арестовъ, отъ озвѣрѣлыхъ убійцъ. Кто
помогалъ Вамъ, кубъ самоотверженно не
пускалъ въ домъ Вашу шайбу пришедшую
Васъ искать, пока Вамъ не удавалось
скрыться.

Кто поддерживалъ въ Васъ надежду на
избавленіе, кто не считался съ униженіями,
лишая себя куска хлѣба носить Вамъ въ
тюрьму обѣдъ, кто жертвовалъ собою, оста-
ваясь въ этомъ коммунистическомъ раю,
именуемымъ Совдепией, что-бы спасти Ва-
шихъ дѣтей и Ваше имущество, кто, не
оставляваясь ни передъ чѣмъ, на колѣ-
няхъ передъ злодѣями вымаливалъ для Васъ
пощаду, кто жертвовалъ всею своимъ до-
стояніемъ, что-бы выручить и спасти Васъ,
кто благословлялъ Васъ на подвигъ борьбы
за Родину, кто терпитъ лишенія и ужасы
войны вмѣстѣ съ Вами, что-бы облегчить
Ваши страданія, кто, наконецъ, теперь въ
холодѣ и голодѣ при ужасныхъ условіяхъ
сопровождаетъ армію и терпитъ всѣ ужасы
участи бѣженцевъ, что-бы не разстаться, не
покинуть Васъ, кто это случится во всѣ
двери и предлагаетъ свои силы, знанія и
работу лишь-бы хоть чѣмъ нибудь помочь
Вамъ, кто онѣ жертвующія всею своимъ
и ничего для себя не требующія? Кто-же
онѣ наконецъ? Это Ваши матери, жены и
сестры

Это Русскія Женщины.

Теперь мнѣ ясно стало отчего тотъ не-
большой брильянтъ горѣлъ ярче другихъ,
отчего грязные тяжелые сапоги убійцъ не
могли втоптать его въ грязь, отчего гру-
бые, запачканныя въ крови руки не могли
унести его.

ТЕЛЕГРАММЫ

КОПЕНГАГЕНЪ. Датское прави-
тельство настаиваетъ, чтобы на при-
езденные Литвиновымъ русскіе деньги
и русскую литературу были наложены
печати.

СТАРАЯ РУССА. Произведенъ
учетъ трудоспособнаго населенія и пере-
возочныхъ средствъ для борьбы съ
топливнымъ кризисомъ.

УФА. Общее собраніе коммунистовъ
города Уфы объявило всѣхъ членовъ
партіи мобилизованными на борьбу съ
тифомъ. Изъ мобилизованныхъ состав-
ляются дезинфекціонные отряды и отря-
ды по устройству и оборудованію бань.
Нѣсколько отрядовъ командированы на
железнодорожныя станціи.

ВЕНА. Австрійскій Рейхсканцлеръ
Реннеръ прибылъ въ Парижъ и про-
силъ союзниковъ не только о про-
вольственной помощи но и о денежной.
Въ качествѣ залога онъ предлагаетъ
Антантѣ всѣ свои земельныя угодья.

Вотъ къ чему Австрія
привела революція.

ТАМБОВЪ. Поѣздъ шедшій изъ
Козлова потерпѣлъ крушеніе. Убитыхъ
20, раненыхъ 107 человекъ. Приняты
мѣры разслѣдованія.

РАЕШНИКЪ.

Вспомнилъ я, братцы, побасенку: лѣзеть-
можь мишка-медвѣдь на сосенку; захо-
тилось мишкѣ покушать сладкаго меду, а
на сосенкѣ какъ разъ его цѣлая колода.
Носомъ потяветъ,—такъ его къ меду и
манять. Ахъ, глядъ, по дорогѣ бревешко—
всему дѣлу помѣха. Толкъ бревно лапой,
и пошла потѣха. Чѣмъ больше бревно отъ
себя толкаетъ, тѣмъ крѣпче оно его самого
по башкѣ ударяетъ. Не унимается дурень
мишка, а на лбу у него за шишкой шишка.

Пока на земь не свалился.

Какъ не понять побасенку? Понятна
она, кажись, и малому ребенку. А итъ.
Не всею пошла старая побасенка въ прокъ.
Троцкому видно російская мудрость невдо-
мекъ. Захотѣлось ему города Нарвы, какъ
сладкаго меду, такъ на нее не жалбеть ни-
скольکو народу. Посылаетъ людей взать ее
въ лобъ, а тутъ его лихой контръ-атакой
и хлопъ. Такія наколотилъ себѣ шишки,
что почище будутъ, чѣмъ у медвѣдя-мишки.
Знай, почесывается.

Попалъ я, братцы, на этотъ разъ, ка-
жется, прямихонько не въ бровь, а въ
глазъ. Складное вышло сравненіе. Такъ
вѣдъ оно и есть безъ сомнѣнія! Не очень
я простъ,—хитеръ. А ну-ка кто на память
остеръ, подсоби конецъ побасенки вспо-
нить. Не то придется мнѣ самому напо-
мнить. Подъ сосной-то были колышки по-
набиты, подъ зеленымъ дерномъ скрыты.
Не замѣтилъ ихъ медвѣдь-мишка съ дуру,
а свалился, такъ себѣ изобразилъ въ концѣ
шкуру.

Такъ вѣдъ кажется, братцы, не спугалъ?

Видно и Троцкому такъ придется, какъ
подъ Нарвой дѣло въ концѣ сорвется. Въ
тылу у него одумается народъ,—замѣсто
комашковъ его въ колья приметъ. При-
дется поглавному идти за разбой къ отвѣту,
не сживай безъ всякаго толку людей съ
благаго свѣту. Вспомнить тогда бродяга
Шакосу и Нарову, когда попросить его
честью по добру по здорову. Даромъ вѣдъ
никакой грѣхъ никому не проходитъ, не
вѣкъ же онъ русскій народъ за носъ водить.

Есть я на него управа!

Скорѣи бы только крышка ему. А вамъ
честь и слава. На сегодня братцы, досви-
дались. Низкіи вамъ поклонъ за подвиги
да за страданія. Крѣпко помню, что за
лами и мнѣ, старому, по ночамъ спокойно
спится, а, кто знаетъ, можетъ-быть и
старый на что пригодится: вдругорядъ васъ
своей примбушкой позабавить, бѣлое воин-
ство по всему бѣлу свѣту прославить.

Низкіи поклонъ, родные!

Я—Ъ Бѣлый.

Отвѣтственный редакторъ:

Г. АМНІЕ

Издатель В. ЛЕБЕДЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Нужны двое саней.

Предложенія съ указаніемъ цѣны адресо-
вать въ типографію газеты „Приневскій
Край“.